

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Ходус Вячеслав Петрович

д-р филол. наук, заведующий кафедрой
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
г. Ставрополь, Ставропольский край

К ВОПРОСУ О «МОЛЧАНИИ» В ДРАМЕ

Аннотация: по мнению автора данной статьи, «произносительное слово» является той определяющей первоосновой драматургического действия, в котором аккумулируются все событийные и структурно-сюжетные компоненты драмы. Если для обыденного разговорного языка молчание всегда являлось непреложным фактом, то в драме молчание как равноправный языковой элемент текста начинает упрочиваться с начала XIX века. Задача исследования определить основы лингвистического и метапоэтического понимания молчания в драме.

Ключевые слова: язык драмы, молчание, метапоэтика, Чехов, Метерлинк.

Основополагающим в действенной природе драматургического произведения является слово как «производитель» речевого действия. Как отмечают исследователи, изначально актуализируется оппозиция «слово – безмолвие», составляющая один из значимых компонентов развития художественного действия. Молчание, выраженное через один из своих семантических признаков – «безмолвие», уже «не просто противоставлено слову (акту говорения) как «отсутствие звука – наличие звука», а является собой некую особую природу этого самого Слова: лишение слова значимости (в ситуации признания героя сумашедшим) или признание слова бессмысленным (в ситуации самозванства). «Безмолвие» реализуется в диалогах и полилогах, характеризуя отношения героев между собою или отношения героя с обществом» [1, с. 3].

На рубеже XIX-XX века в европейской драматургии семантика молчания становится одним из основных элементов языка драмы. Это подтверждает анализ текстов А.П. Чехова и М. Метерлинка. При этом на семантику оппозиции *речь – молчание* в текстах Чехова-драматурга накладываются структурно-семантические особенности организации коммуникативного пространства прозаического текста, а в драмах Метерлинка обнаруживаются влияния авторского философского осмысления молчания в русле эстетических принципов французского символизма. Подтверждением этому служат данные автометадисциплины.

Общностью текстов является непосредственная номинация акта молчания в драматургическом тексте. Однако в текстах Чехова молчание препрезентировано посредством субSTITУционального замещения – лексему *пауза*. Это условное молчание, ибо в семантическом плане *пауза* – «перерыв, приостановка в речи, работе, каких-н. действиях» – имеет сему «приостановка», что указывает на обязательное продолжение действия. Молчание, таким образом, находится не в непосредственной оппозиции к речи, а только прерывает ее, формируя акцентные семантические поля.

В драмах Чехова непосредственно присутствует лексема тишина, которая выражает феномен природного молчания, которая, однако, *постоянно*, «взаимодействует» с лексемами семантического поля «звук». В чеховском тексте нет абсолютной тишины, как нет ее в природе: она всегда подвижна, дополнена «живыми» звуками. Молчание и тишина не идеализируются, а конкретизируются в текстах Чехова. В то же время, стройной метапоэтической теории молчания А.П. Чехов не оставил. Его постижение молчание шло иным путем, о чем скажем немного позже.

Особое, метапоэтически осмысленное молчание встречается у Мориса Метерлинка. В его философском трактате *Le Trésor des humbles* обнаруживается метапоэтический комментарий к осознанию молчания – большая глава *Le silence*. В текстах Метерлинка наблюдается оппозиция «звук – молчание», однако наиболее значимым определяется *silence* («тишина») – полное отсутствие звуков. Если наступает момент *silence*, то он определяется как знак трагедии. Так, например,

в драме *La Mort de Tintagiles*, где смерть (*mort*) в инициальной части текста уже способствует формированию в сознании знака трагедийности, признаки и причины смерти Тентажиля определяются через знак молчания:

Tintagiles. Il n'y a pas d'herbe, petite sœur. Un *silence*. Qu'est-ce qu'elle fait, la reine?

Deuxième servante. Vous savez que la reine ne veut pas qu'elles le sachent...

La première servante ouvre la porte avec prudence et entre dans la chambre.

Troisième servante. Ah...

Un silence. La première servante sort de l'appartement.

Знак смерти – *la reine* (королева), что подтверждается на протяжении всего текста как через структурное соотнесение *la reine – silence*, а также путем анализа драматургической семантики.

Об ушедших из жизни говорят, что они *навеки умолкли* (замолчали). Речь ассоциируется с жизнью, молчание – со смертью. Однако семантика молчания и тишины различна: тишина – отсутствие звуков, молчание – неговорение. Тишина бессубъектна, безлична, молчание – субъектно и личностно. Поэтому традиционно тишина осознается как природный феномен, молчание – как человеческий. Безмолвие природы ощущается как метафора.

На определенном этапе исследования творчества А.П. Чехова создается впечатление близости взглядов драматургов – Чехова и Метерлинка – в постижении драматургического безмолвия. Однако исследование ранних этапов формирования метапоэтики Чехова писателя показывает иную генетическую природу его драматургического молчания. Не отраженное в метапоэтических текстах, понимание молчания рождается в «шуме бытия» энциклопедии жизни, созданной самим Чеховым в хронологически разрозненных рассказах-списках. Дискурсивное пространство метапоэтики ранних рассказов «переполненно» разными типами рассказчиков, и отсутствие тишины через оппозицию порождает ее величие и глубину.

Молчание в чеховской драме появляется не от соединения единения любовной и смертной энергии как у Метерлинка, а через поиск безмолвия в разночинном говоре персонажей.

Список литературы

1. Маркова В.В. Поэтика безмолвия в русской литературе 1820 – начала 1840-х годов / В.В. Маркова. – Тюмень, 2005.